

В.А. СУКОВАТАЯ, канд. филос. наук, доцент, ХНУ им. В.Н. Каразина

ОБРАЗ «ДРУГОГО» В КОНТЕКСТЕ МОТИВА «ДВОЙНИЧЕСТВА» И ПОИСКОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА «КРОВАВАЯ ШУТКА»

У статті досліджені погляди Шолом-Алейхема на природу нації і російсько-єврейських відносин, які зображені письменником в образній формі, через символіку категорії "двойничества" і мотив національного *Іншого* в романі "Кривавий жарт".

В статье исследованы взгляды Шолом-Алейхема на природу нации и русско-еврейских отношений, которые отображены писателем в образной форме, через символику категории "двойничества" и мотив национального *Другого* в романе "Кровавая шутка".

This paper is devoted to Sholom-Aleyhem's opinion on nature of nation and the Russian-Jewish relations in Russian empire. Sholom-Aleyhem's nationalist notion is represented in literary and sensual images, through category of "twinity" and symbolism of national Other in the novel "Bloody joke".

Целью нашего исследования является анализ мифологических архетипов «двойничества» и образа национального «Другого», представленных в романе Шолом-Алейхема [7]. *Актуальность* исследования обусловлена современными дискуссиями о природе нации и характере кросс-культурных взаимодействий, которые мы рассматриваем на материале русско-еврейских отношений, символически отраженных Шолом-Алейхемом в архетипе «двойничества». *Новизна* исследования определена характером материала и методологическим подходом: творчество Шолом-Алейхема никогда не рассматривалось в аспекте теории «Другого» и дискуссий о нации.

«Кровавая шутка» — один из наиболее сложных, мистических и малоизученных романов Шолом-Алейхема, написанный в 1912 и посвященный трагическим событиям 1911-1912 годов: обвинению еврея Менахема-Мендла Бейлиса в ритуальном убийстве православного мальчика Андрюши Ющинского. Основой сюжета романа является мистификация, согласно которой два друга-студента, иудей и христианин, заключают пари и обмениваются паспортами, чтобы попробовать прожить год «в шкуре» «другого» и получить «иной» — культурный, религиозный и экзистенциальный опыт. Однако интрига, начавшаяся как «шутка», «игра» в полу-карнавальном духе, получает неожиданную и совсем не сказочную развязку: по стечению обстоятельств именно юноша-христианин с еврейским паспортом становится жертвой кровавого навета. Он проходит через трагические испытания, которые разрешаются благополучно исключительно благодаря чудесному вмешательству: еврей сообщает родителям друга о заключенном пари, влиятельный отец юноши-славянина раскрывает суть

интриги перед судьями и, оконфузив последних, прекращает скандальный процесс.

Структура романа позволяет «увидеть» в романе соединение нескольких жанров: роман открывается авантюрной интригой в духе детективных «зачинов» Ф. Достоевского («Подросток», «Игрок», «Идиот»); за этим следуют этнографические описания жизни евреев в «черте оседлости», изображения праздников, ритуалов, а также тех ограничений, с которыми еврей Российской империи знакомился с детства, в то время как большинство христиан о них даже не подозревали. Во второй части романа юмористический и карнавалльно-фарсовый характер повествования неожиданно переходит в трагический регистр: символический, «воображаемый» мир евреев, который выстраивает в своем сознании русский студент, приходит в столкновение с реалиями Российской империи – ожиданием погромов, выселением, арестами, и, наконец, «Кровавым наветом» – обвинением в убийстве по религиозным причинам. Поэтому ожидания читателей книги на благополучный финал не оправдываются: несмотря на то, что невиновному удастся чудесным образом избежать обвинения, «хеппи энда» не происходит, реальность оказывается настолько непоборимой и выходящей за рамки «литературности», что навсегда ломает судьбы главных героев. На наш взгляд, роман Шолом-Алейхема «Кровавая шутка» построен на столкновении двух миров, двух точек зрения на мир и природу нации, носителями которых выступают русский и еврейский студент. Выражаясь современным научным языком, можно сказать, что в романе использован кросс-культурный метод исследования: именно через призму «инакового» взгляда, подмечающего особенности другой культуры, представлен в романе еврейский и славянский миры, через сопоставление, медленное познание противоположного мира подается духовное развитие героев романа.

Какие мотивы являются ведущими у Шолом-Алейхема и раскрывают основные идеи писателя? Как нам кажется, в романе можно выделить несколько основных мотивов, связанных между собой. Ведущими являются: мотив «двойничества», имеющий древнюю мифологическую природу; мотив архаического ритуала смены имени и «передачи судьбы» (в ситуации обмена паспортами и аттестатами еврейского и русского студентов); мотив «рокового заблуждения» («гамартии» – в античной драматургии), мотив «искупительной жертвы» (христианского мученичества), традиционный для «пасхального рассказа»: Гришу Попова ошибочно принимают за еврея, обвиняют в убийстве, которого он не совершал, а он принимает свое положение «невинно осужденного», так как надеется на суде разоблачить мешанскую веру в «кровавые ритуалы» евреев; представлен также мотив «подмены» и узнавания (ветхозаветный Моисей и древнегреческий Эдип); архетип «младенца» как «иноземца», попадающего в иной мир, в «зазеркалье», где все происходит как бы «наоборот» (для героя Гриши

Попова «зазеркальем» оказывается еврейский мир и еврейская семья, которая взяла на себя добровольный труд быть его «переводчиком» в еврейском мире).

Рассмотрим мотив «двойничества», как проявление философской концепции бинарности, воплощающей известное леви-строссовское представление об онтологических оппозициях (жизнь-смерть, культура-природа), структурирующих сознание человека [3]. В мифологии двойничество представляет одну из популярных мифологем, восходящую к архаическому культу близнецов (Рем и Ромул, Каин и Авель, Осирис и Сет, Ормузд и Ариман), где один из близнецов воплощает «светлое», позитивное начало, а другой – «темное», негативное. Один из близнецов может действовать в сакральном пространстве, другой – в профаном (ср. литературную сказку Е. Шварца «Тень», или Дон-Кихота и Санчо Пансу), из которых один представляет «высокого» (трагического) героя, а другой – бытового, комического. Двойничество в русской литературе, по мнению Е. Мелетинского [4], это переосмысление, а иногда и пародирование романтической модели. О.М. Фрейденберг [5] показывает, что феномен двойничества тесно связан с представлениями о двоemiрии, с бинарным делением мира на «пространство жизни» и «пространство смерти» в сознании древнего человека.

Мы видим также близость идеи Шолом-Алейхема к психоаналитической концепции К.-Г. Юнга об архетипах. Юнгианские архетипы – Анима и Анимус, а также Тень – отторгаемая сторона человеческого бессознательного, – объясняют устойчивость образа двойника в коллективной психике и культуре, а также тип двойнических отношений, который выражается в одновременном стремлении человека и избавиться от своего двойника и слиться с ним в единое целое. В классическом психоанализе «двойничество» постулирует следующие тезисы: 1) двойник не приходит откуда-то извне, он находится внутри человека, это часть собственной души человека (например, в повести «Портрет» Н. Гоголя); 2) встреча с «двойником» не является простым совпадением, а является закономерной, поскольку человек должен познать самого себя, в поисках познания себя, личность сталкивается со своими «двойниками» (ср. знаменитую повесть Р.-Л. Стивенсона «Странная история доктора Джекилла и мистера Хайда»); 3) двойник как порождение субъективного мира является не столько близнецом, сколько духовным alter ego героя, в силу чего смысловой центр интриги переносится с внешнего сходства на внутреннее подобие (как например, в повести О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»).

В психологическом смысле двойничество актуализирует план «подобий и отражений», когда «двойники» героя ведут самостоятельную жизнь, и в них получают осуществление, акцентуацию и свободное развертывание какие-то стороны его личности. «Двойничество» выступает «планом выражения» отношений Я-Другой и способом репрезентации идентичности

субъекта. Если экстраполировать концепцию Юнга на «еврейский вопрос» в России, то, согласно «зауалированной» идее Шолом-Алейхема, «двойничество» славянско-еврейских отношений выражается во взаимозависимости народов, конфликтности и их тяготении друг к другу одновременно, взаимном интересе одной части общества, и в создании ситуации изоляции и отвержения другой частью общества своих alter ego, в результате чего взаимный культурный интерес оказывается политически и социально коннотированным. То восприятие еврейско-русского «двойничества» как взаимосвязи, которое Шолом-Алейхем пытался выразить в образной, художественной форме, русский философ Николай Бердяев развивал как философскую максиму (1938 год): «По поляризованности своей природы русский народ имеет черты сходства с народом еврейским...» [2, с. 328]. Если рассматривать семантику еврейского и славянского «двойников» в «Кровавой шутке» в контексте европейской фольклорной традиции, то необходимо обратиться к теории «карнавального смеха» М.М. Бахтина [1]. Он декларирует генетическую связь двойников с природой ритуалов рождения-смерти-возрождения. В своем двойнике герой умирает (отрицается), чтобы обновиться, очиститься, подняться над самим собой. Несомненно, что романная пара из романа Шолом-Алейхема – Гриша Попов и Герш Рабинович, – по замыслу автора, представляет собой единое целое, духовных «близнецов-двойников». Однако здесь Шолом-Алейхем совершает «культурную инверсию»: в отличие от уже сложившихся в русской литературе иронического изображения еврея как культурного «Другого» (см. произведения Гоголя, Тургенева, Чехова), Шолом-Алейхем передает функции «Другого» славянину. Не зная еврейского языка и еврейских обычаев, русский Гриша Попов ведет себя «странно» как с точки зрения окружающих его евреев, так и с точки зрения встреченных им русских. Навыки славянской повседневной и моральной культуры, механически перенесенные им на еврейскую повседневность, – «не работают». Например, при обыске полиции он вступает за честь еврейки Бетти, следуя принятым у русских дворян понятиям чести; однако понятия *достойного-недостойного* оказываются зависимыми от национально-культурного статуса...Благородный герой попадает в участок, и теперь сам нуждается в помощи, которая ему и оказывает еврейская семья, у которой он снимает квартиру. Таким образом, Шолом-Алейхем как бы «инверсирует» культурные функции еврея и славянина, передавая славянину «сниженные», пропавшие функции.

Однако со второй части романа, с момента ареста Гриши Попова-Рабиновича и предъявления русскому студенту абсурдного обвинения в ритуальном убийстве, Гриша Попов вновь переходит в трагический регистр, фарс все более напоминает пасхальную драму, «жертвоприношение», а сам Гриша приобретает черты сходства с «ягнцем», «невинным агнцем», отданным на заклание. Эта тема – роковой судьбы и двойника, который

принимает на себя «судьбу героя», является довольно распространенной в европейской литературной традиции (О. Бальзак «Шагреновая кожа», Н. Гоголь «Портрет», др.), и ее мотивы можно обнаружить в образе Гриши Попова. Более того, в образе Гриши Попова-Рабиновича обнаруживается аллюзия на муки самого Христа, страдающего за грехи человечества. Парадокс «зазеркалья» в романе заключается в том, что если еврей Христос принял страдания всех людей и воплощает идеал человека для русских, православных людей, то в романе Шолом-Алейхема русский Гриша Попов принимает муки и становится добровольной жертвой за еврейский народ, надеясь разоблачить распространенные антиеврейские суеверия. Бинарная пара символических «двойников» – Гриша Попов и Гириш Рабинович, аппелирующая к бытовой стихии фарса и карнавала – король и шут, с середины романа трансформируется в тренирующую конструкцию – Гириш Рабинович – Гриша Попов – Иисус Христос, причем пара «двойников» Гриша Попов – Иисус Христос воспроизводит экзистенциальную ситуацию мученичества и жертвенности за идею, за справедливость, за народ. Гриша Попов-Рабинович оказывается наиболее «амбивалентной» фигурой, чей, поначалу комический и неуместный героизм, в ситуации трагической несправедливости оказывается самым искренним и возвышенным. Если обратиться к семантике амбивалентных двойников, то уместно вновь вспомнить работу О. Фрейденберг, которая исследовала мифы о двойниках, приходящих из царства смерти, в образе которых смех, глупость и смерть слиты воедино. Можно предположить, что семантика амбивалентности – «смерти», «судьбы» и источника силы и помощи присутствует и в образе Гриши Попова. С самого начала он видит себя как «защитника» еврейского народа, готового пройти путь, предназначенный еврею в России. Свою неуязвимость он видит в том, что не является евреем по рождению, и потому уверен, что трудности еврейской жизни не могут в полной мере коснуться его. В действительности, Гриша Попов, пересекший границу иной культурной и религиозной среды, начинает чувствовать себя в ином мире, в ином измерении, которое трансформирует его судьбу.

Важно отметить, как развивается мотив Рождения-Умирения-Воскрешения в философии Шолом-Алейхема. В силу того, что композиция романа Шолом-Алейхем четко соотносится с двумя важнейшими христианскими датами, очевиден их символизм. Развитие романа между Бетти и Гришей происходит на Святки и Рождество, а этот период традиционно связан в православном сознании с чудесами, магией, выходом из круга повседневности. Это еще и время гаданий о будущем и о женихе – именно о будущем гадает Попов, сидя с Бетти в театре. В соответствии со святочными традициями русской литературы в тексте Шолом-Алейхема возникают мотивы «метели», «срывающегося снега», а также «театра» – места в высшей степени «маскарадного». Человеком «под маской»,

«Другим», скрывающим свое лицо, выступает Гриша Попов для Бетти, так как она не догадывается о его истинном происхождении.

Наивысшей точкой в сакральном праздновании оказывается «происшествие», скандальное событие в духе «скандалов» у Достоевского, разражающихся внезапно и сразу меняющих всю ситуацию. Убийство мальчика Володи мгновенно изменяет всю жизнь Гриши и семьи Шапиро, это убийство – тот самый «исключительный случай», нарушающий нормальное течение жизни, сталкивающий между собой два мира и приводящий к роковым последствиям. В полиции Гриша Попов как бы попадает еще в одно «зазеркалье», где любые его действия, самые искренние, истолковываются ни в его пользу, а точно с обратным значением. Ординарному убийству на бытовой почве придают мистический смысл «ритуального», однако все обвинения распадаются подобно карточному домику, как только становится известным, что герой обвинения – не-еврей.

Из текста романа становится очевидным, что в понимании судьбы и национальности Гриша Попов (представитель русской либеральной интеллигенции) и его альтер эго Гершка Рабинович стоят на разных позициях. Гриша Попов является носителем «личностно-волюнтаристической» (нищешанской) концепции судьбы, он верит, что судьбу, обстоятельства можно изменить личным влиянием и волей. Гриша Попов в романе полагает, что его выступление на процессе способно разоблачить многовековые суеверия о «кровавом навете». Однако его наивно-просвещенские взгляды оказываются опровергнуты реальностью жизни: судьба есть *рок*, она предназначена рождением, считают фаталисты, а согласно Шолом-Алейхему, судьба предназначена не столько рождением, сколько паспортом! Обменявшись паспортами, герои романа как бы обмениваются «душами» и «судьбами»: мотив «наследования души» и «передачи души», встречаемый у многих древних народов, в том числе и иудеев, описан у Фрезера [6]. В романе Шолом-Алейхеа актуализация этого мотива аналогична ритуалу «рождения», инициации и «смены имени», чрезвычайно распространенного в древних ритуалах. Вместе с новым паспортом Гриша Попов должен принять и проблемы, связанные с еврейским «правожителем», средневековыми суевериями и процентной нормой. Таким образом, если в понимании судьбы Гриша Попов ведет себя как человек, воспитанный чтением просвещенческой литературы о свободе воли, то Шолом-Алейхем оказывается сторонником античной концепции судьбы как «необоримого рока», пути, предназначенного рождением человека, кровью, родом.

Если перевести символику образов Шолом-Алейхеа на язык терминов теории национальной идентичности, то обнаружится, что персонажи романа выражают две противоположные позиции, ставшие центральным объектом дискуссий в XX веке: о примордиальном характере нации, либо ее социально-конструктивистском происхождении. Русский дворянин Гриша

Попов в процессе интриги пытается своим поведением утвердить идею нации как «социального конструкта», который легко модифицируется в разных обстоятельствах; в то время как его еврейские приятели и все происходящее убеждают в обратном: кровь и дух имеют первостепенное значение. Однако выводы, которые можно сделать, следуя за сюжетными линиями романа, выглядят еще более неожиданно: характер понимания нации (по Шолом-Алейхему) – «конструктивистский» или «примордиальный», зависит от позиции субъекта – доминирующей или подчиненной. Для субъекта, принадлежащего к «титულიной» (доминирующей) нации естественно видеть в нации идеологический или эпистемологический «конструкт», так как его собственная принадлежность является как бы «нейтральной», «не-маркированной». Однако для субъекта, чья национальная принадлежность маркирована его «друговостью» – цветом кожи, внешностью, произношением, телесными и ритуальными практиками, фактом принадлежности к меньшинству, национальная принадлежность воспринимается как «примордиальная» и «неизменная». Отсюда следует релятивизм в понимании природы нации, зависящий от того, как видит субъект свои отношения с властью.

Список литературы: 1. *Бахтин, М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса [Текст] / М.М. Бахтин ; 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с. 2. *Бердяев, Н.А.* Христианство и антисемитизм: Религиозная судьба еврейства (статья 1938 года) [Текст] / Н.А. Бердяев // Тайна Израиля: «Еврейский вопрос» в русской религиозной мысли конца XIX–первой половины XX вв. ; [сост. В.Ф. Волков]. – СПб. : София, 1993. – 456 с. 3. *Леви-Строс, К.* Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс ; [пер. с франц.]. – М. : Эскмо-пресс, 2001. – 512 с. 4. *Мелетинский, Е.М.* Поэтика мифа [Текст] / Е.М. Мелетинский. – М. : Наука, 1979. – 407 с. 5. *Фрейденберг, О.М.* Поэтика сюжета и жанра. [Текст] / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1994. – 324 с. 6. *Фрезер, Дж.* Золотая ветвь. Исследования магии и религии [Текст] / Дж. Фрезер ; [пер. с англ. М. Рыклин]. – М. : Политиздат, 1980. 7. *Шолом-Алейхем.* Кровавая шутка [Текст] / Шолом-Алейхем ; [пер. с идиш]. – М. : АСИ ВГР, 1991. – 180 с.

Поступала в редколлегію 1.10.08.

Рецензент: д. филос. н., проф., Г.Д. Панков

УДК 331.102.312:316.344.23

С.В. УШНО, ХДАК

ТВОРЧІ ІНДУСТРІЇ У СФЕРІ ПІДПРИЄМНИЦТВА: СУТНІСТЬ І СПЕЦИФІКА

У статті розглядається феномен «творчі індустрії», як стратегічний напрям у розвитку підприємницької діяльності в Україні. Основні положення даної роботи – це намагання визначення сутнісних характеристик досліджуемого феномену, а також обґрунтування практики введення творчих індустрій у сфері підприємницької активності. Креативна складова сучасного підприємництва обумовлюється такими соціальними явищами, як «суспільство споживача» та